

Беляничева Галина

«Дедушкины часы»

**фрагмент первой главы
повести-сказки «Дедушкины часы»**

Внезапно ударили карманные дедушкины часы: три протяжных, басовитых и слегка нетерпеливых сигнала – словно грянула команда или раздалось предупреждение. Все за столом сначала вздрогнули, затем каждый машинально взглянул на свои ручные часы. А Алёша поднял глаза на циферблат в деревянном корпусе на стене: там было 8 часов 23 минуты вечера.

В Алёшиных глазах моментально зажгётся интерес. Он с нетерпением уставился на неловкие дедушкины пальцы, долго перебиравшие звенья цепочки. Приглушённые, но все же пронзительные сигналы, доносившиеся из глубины кармана, торопили, подстёгивали дедушку. Пальцы его неуклюже частили. Наконец, над бортом карманы всплыл серебряный выпуклый краешек, словно всходила полная луна. Вот она целиком заблестела на фиолетовой ткани дедушкиной куртки. Дедушка зачерпнул часы-луну ладонью, и серебряный диск затих, успокоился в его руке. С лёгким воздушным хлопком откинулась вверх матовая крышечка. Её внутренняя гладь, как зеркало, отразила зелёное свечение циферблата. Золотая секундная стрелка спешила от одного поста к другому в своём круговом обходе.

Похоже, дедушка был озадачен вероломством своих часов: забили, всех обеспокоили, а затем перешли на нежное, воркующее «ти-ти-ти»... Никто, кроме дедушки и Алёши, не посчитал сигнал вещим, никто их домашних не верил, что дедушкины часы могут бить сами по себе, без завода.

Тогда чем объяснить тот памятный звон, когда они отбили страшное известие? Но все, кроме Алёши, относили тот сигнал к семейной легенде, которой можно верить, а можно и нет. Однажды Алёша задался целью восстановить и утвердить истину, то есть доказать, что легенда – вовсе не легенда, а самый действительный факт. Для этого надо было расспросить

всех, кто этот сигнал слышал. Но дедушка про тот случай не рассказывал, и Алёша понимал, что с ним об этом говорить не надо. Допытываться у Юрия было тоже бесполезно: давным-давно, именно в тот момент он спал. А если бы даже не спал – всё равно ничего не мог запомнить: у него был тогда слишком младенческий возраст.

Есть ещё мама. Можно направить её память по обратной дороге, чтобы она снова стала Лидочкой – маленькой девочкой, у которой болят уши. От этого она не спит и беспрестанно плачет. Мама соглашалась «сходить по обратной дорог», но вспоминала совсем не то, что нужно было Алёше для полного торжества истины.

– Ну, мама! – побуждал её память Алёша. – У тебя болели уши, так? Ты это помнишь?

– О да! – смеялась мама. – Я это очень хорошо помню!

– Ты боялась спать и всё время плакала?

– Ну, это я не столько помню, сколько представляю: один знакомый мне мальчик поступал точно также...

Алёша сделал вид, что не понял маминого намёка, и настойчиво продолжал добывать истину по крупицам.

– Бабушка была с тобой и Юрием, – рассказывал он маме. – Тётя Ира пропадала в Городке на заводе, а дедушка...

– ...прибыл с фронта в отпуск на несколько дней, – подсказала мама. – Ох, Алёша, ты утомительно подробен!

– Я хочу, мама, чтобы ты всё вспомнила.

– Даже при всей твоей настойчивости, я не могу вспомнить того, чего я не помню... Скажи лучше, как ты сам помнишь бабушку?

– Я никак её не помню, – смущённо признался Алёша.

– Вот видишь! А бабушка неотлучно была с тобой во все дни твоего младенчества. Она тебя купала, кормила, водила гулять, рассказывала сказки... А ты её не запомнил. Обидно, правда?

– Я её не помню, зато ощущаю...

– Что значит «ощущаешь»?

– Не знаю, как об этом рассказать... Но когда я вижу себя маленьким, вокруг меня такое ласковое и доброе... Это, наверное, и была бабушка. Она не видится мне, а ощущается... Ну, как всё равно, когда купаешься в тёплой воде с закрытыми глазами.

– Очень хорошо сравнил, Алёша! – мама погладила сына по голове. – Ты уже многое понимаешь, но ещё не всё. Я сейчас тебе скажу, а ты запомни... Когда в семье есть любимая легенда, то незачем искать, что в ней правда, а что вымысел. Ты, Алёша, не сомневайся: мы в эту легенду верим! В каждом возрасте по-своему, но верим. Дедушкины часы, конечно, большая загадка для маленьких детей. По себе знаю. Но дедушка сам по себе – большая загадка. Только тут, смотри, не перебори лишку!

Так Алёше и не удалось чего-нибудь прибавить к легенде. Для него она осталась такой, какой знали её домашние...

Тогда часы зазвонили 28 марта 1943 года, в 14 часов 37 минут. Дедушка сидел в кресле и держал на руках только что уснувшую Лидочку. Сначала он не хотел отзываться на сигнал часов, чтобы не потревожить сон больного ребёнка. Он просто удивлённо застыл – и всё. Часы звонили развилисто и многоголосо. Тоненькие голоса вызванивали непрерывно. Их накрывали звуки побасистее. А один голос падал редко и тяжело. Другие голоса заливаются, словно чего-то просят и ждут, а этот разбивает их последнюю надежду.

Дедушка начал осторожно приподниматься... Лидочка открыла глаза и спросила: «Что звонит, папа?» – «Часы, Лидочка. Посиди сама, а я посмотрю, в чём там дело». Он переложил Лидочку в кресло, и она, то ли от боли, то ли от печали, вдруг отчаянно закричала. На кухне её крик услышала бабушка и тут же примчалась в комнату. Дедушка стоял навтыяжку, как солдат перед командиром, а на его ладони с печальным надрывом били часы. Красно-жёлтые вспышки озаряли циферблат и пожарными всполохами отсвечивали на зеркальном глянце крышки.